

ДЖЕЙМС ПОНТИ

DO NOT CROSS SCENE DO NOT CROSS CRIME SCENE

CRIME SCENE DO NOT CROSS CRIME SCENE DO NOT CROSS CRIM

ФЛОРИАН

БЭЙТС

**И ПОХИЩЕННЫЕ
ШЕДЕВРЫ**

**Джеймс Понти
Флориан Бэйтс и
похищенные шедевры
Серия «Суперсыщики.
Теория мелочей»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48457863

*Д. Понти. Флориан Бэйтс и похищенные шедевры: ООО «Издательство
АСТ»; Москва; 2019*

ISBN 978-5-17-115850-7

Аннотация

Кто придумал Теорию мелочей и с ее помощью распутывает самые головоломные загадки? За кем гоняется мафиози из международного преступного синдиката? Кто замечает то, что упускают другие, и с одного взгляда способен вывести любого на чистую воду?

Познакомьтесь с Флорианом Бэйтсом – единственным семиклассником на службе у ФБР!

Из Национальной галереи украдены бесценные картины. Но как? Похоже, только Флориан с верной подружкой Маргарет способны раскрыть хитроумное преступление! Но, пока Юный

Шерлок охотится за похитителем, на него самого открывают охоту...

Содержание

Глава первая. (Не такой уж) верный путь	6
Глава вторая. Как быть в ТЕМЕ	22
Глава третья. Свеча Наполеона	33
Глава четвертая. Копиист	44
Глава пятая. «Фогги Боттом»	51
Глава шестая. Место преступления	60
Глава седьмая. Картинка без звука	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джеймс Понти Флориан Бэйтс и похищенные шедевры

James Ponti

Florian Bates 1: Framed! (A Framed Novel)

© 2016 by James Ponti

© Анастасия Иванова, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Алексу

Глава первая. (Не такой уж) верный путь

Меня зовут Флориан Бэйтс. Мне двенадцать, и я учусь в седьмом классе средней школы Элис Дил в Вашингтоне, округ Колумбия. Мои любимые блюда – пицца и роллы с яйцом. Я – член школьного совета, состою в клубе любителей скрэббла¹ и планирую попробовать себя в футболе.

А еще я работаю на ФБР.

Знаю-знаю. Последнее слегка выбивается из контекста, да?

Как правило, меня классифицируют как «негласного специалиста», что звучит весьма по джеймс-бондовски, но означает всего-навсего, что работу со мной хотят сохранить в секрете. В конце концов, довольно неловко признавать, что обращаешься за помощью к двенадцатилетке. А еще хуже будет, если на моем пороге внезапно появится недовольный парень из списка «Десять Самых Разыскиваемых». Так что секретность на пользу обеим сторонам.

По правде говоря, я не собирался становиться детективом – просто так уж случилось. Дело в том, что я замечаю всякую всячину, которую другие не видят. В этом смысле мой

¹ Скрэббл – настольная игра, где нужно составлять слова из букв. Другое название – «Эрудит».

мозг – странноватый. Он фокусируется на деталях, которые кажутся незначительными, и собирает их вместе, как кусочки пазла.

До недавних пор о моей работе на Бюро, кроме его сотрудников, знали только родители и лучшая подруга Маргарет. Но все изменилось в день, когда, возвращаясь из школы, я был похищен румынской мафией. Я срезал дорогу за супермаркетом «Верный путь» и внезапно осознал: либо эти люди пытаются повлиять на результаты выборов в школьный совет, либо тайна моей личности – никакая больше не тайна.

Забавно, но именно в тот самый день, чуть раньше, Маргарет предупреждала, чтобы я не ходил этой дорогой. Обычно мы возвращаемся из школы вместе. Однако по четвергам у нее уроки игры на пианино, так что я иду домой один. И постоянно ищу, как бы срезать. Не то чтобы я сильно спешил, просто это – как очередной пазл.

– Там за супермаркетом полным-полно мусорных баков, – заметила Маргарет, когда я поведал о своих планах. – А ты в курсе, что говорил о них Бенджамин Франклин. «Если вокруг тебя – мусорные баки, ничего хорошего не жди».

– Почти уверен, что Бен Франклин был уже сто лет как мертв к тому времени, как люди изобрели мусорные баки, – возразил я.

– Ну, может, я прочла это на каком-нибудь плакате. В любом случае совет хороший. Нечего тебе туда ходить.

– Иногда баки воняют, – сказал я, чувствуя внезапную по-

требность настоять на своем, — но ведь они неопасны.

— Хммм... — отозвалась она. — А ты откуда знаешь?

Я с минутку подумал над этим и улыбнулся:

— Потому что супермаркет называется «Верный путь». Будь там опасно — его бы назвали «Неверный путь».

Эта мысль не показалась Маргарет такой остроумной, как мне. Пока я смеялся, она помотала головой и произнесла:

— Парни *таки-и-и-и-е* забавные... — И, придвинувшись поближе, добавила: — И *таки-и-и-е* глупые.

Учитывая, что меня похитили в том самом месте, от которого она предупреждала держаться подальше, я признаю, что последнее заявление Маргарет заслуживает быть напечатанным на плакате. В свою защиту замечу, что собирался пойти длинным путем, но пошел дождь, и мне не хотелось мокнуть.

Я протиснулся сквозь дыру в заборе и поспешно потрусил задворками магазина, держа над головой рюкзак, — и тут заметил продуктовый грузовичок. Вообще-то, ему полагалось находиться у погрузочной платформы. Но я был слишком занят, стараясь не промокнуть, чтобы обратить внимание на то, что стоит он вовсе не там.

Дождь ливанул с такой силой, что я смог разглядеть что-либо внутри, за лобовым стеклом, только когда включились дворники. Потому-то я и не заметил, что водителя в машине нет, хотя двигатель работает. Я сообразил, что кто-то просто сидит внутри, дожидаясь, пока непогода уймется.

Когда он вышел из-за мусорного бака, я едва в него не врезался. А это было бы больно, поскольку этот мужик был огромным. Надпись на борту грузовичка гласила, что он принадлежит цветочному магазину «Веселый лепреконт». Но этот тип никак не соответствовал ни одному из этих двух слов. В нем насчитывалось примерно сто девяносто три сантиметра роста и сто тридцать шесть килограммов веса, и всем своим видом он производил впечатление профессионального борца. Или негодяя.

Тип уставился на меня с улыбкой, ничуть не переживая, что дождь барабанит по его внушительной лысой черепушке. Какую-то наносекунду я думал, что у меня просто воображение разыгралось. Потом, я посмотрел вниз и увидел, что тип обут вовсе не в удобные кеды, которые носят доставщики. У него на ногах были те самые грубые ботинки с обитыми железом носами, которые так популярны среди заводских рабочих, каменщиков и международных наемных убийц.

Я рванул в противоположную сторону, на бегу копаясь в рюкзаке. Я пытался нашарить «паническую кнопку», которой снабдило меня ФБР. Все, что от меня требовалось, – это дважды нажать ее, чтобы в ту же секунду поднять по тревоге команду агентов. К несчастью, он добрался до меня прежде, чем я – до кнопки.

Тип бросился на меня, и мы покатались по мокрой мостовой напрямик в гору картонных коробок из-под фруктов. Сперва я подумал, что ободрал ногу, но то, что я принял за

кровь, оказалось кашей из гнилой клубники, которая размазалась по моим джинсам. Я барахтался, пытаюсь встать на ноги, но этот тип зажал мою голову руками, применив удушьяющий захват. За миг до того, как отключиться, я глянул на мусорные баки и успел сказать себе, что пора бы уже начать следовать советам Маргарет.

Не знаю, сколько я провел в отключке. Когда я пришел в себя, то голова у меня разламывалась, а тело лежало на полу грузовичка со связанными ногами и руками за спиной.

Я испустил низкий стон, полный боли:

– Уунннннфффф...

– Будет лучше, если спишь, – с жутким акцентом проговорил тип. – Двадцать минут.

Еще несколько секунд перед глазами все оставалось размытым. Когда фокус наладился, я разглядел нечто прекрасное – свой рюкзак. Должно быть, тип сообразил, что, если мои пожитки найдут, меня примутся искать. А это означало, что у меня все еще остается шанс нажать паническую кнопку. Надо лишь отвлечь внимание типа на то время, пока я буду подбираться к ней.

В Куантико², в учебном центре ФБР, я прошел курсы выживания заложника, но в тот момент я и представить себе не мог, что кому-то захочется меня похищать, так что слушал не слишком внимательно. Чудовищная глупость, знаю,

² Куантико – город в США, где находятся Академия ФБР, Лаборатория ФБР и другие ведомства.

НО все-таки основы я запомнил.

ШАГ №1 К ВЫЖИВАНИЮ:

наладьте с похитителем контакт.

– Впечатляющий бросок, – сказал я. – Вы играете в футбол?

– Футбол – для детишек, – презрительно усмехнулся тип. – Накладки. Шлемы. Я играю в мужской спорт. Регби.

– Что ж, уверен, вы в нем ас, – подольстился я. – Играете дома, в Румынии?

Тип одарил меня подозрительным взглядом в зеркальце заднего вида:

– Откуда ты знать, что я румын?

Я не собирался рассказывать, что ФБР предупредило меня о румынах, которые охотятся за мной, как и о том, что, пока он держал меня за горло, я заметил вытатуированный у него на руке румынский флаг. Я хотел понравиться похитителю, а значит, следовало его умаслить.

– Мой дедушка из Румынии, – сообщил я. – У меня есть его фото в солдатской форме, и он на нем точь-в-точь как вы.

Это заставило типа улыбнуться. (*Для справки:* мой дедушка Джо из Италии, а дедушка Тед вырос в Нью-Гэмпшире. Но, думаю, когда вас удерживают силой в каком-то грузовичке, небольшая ложь извинительна.)

– Скажу вам как румын румыну, – продолжил я. – Думаю,

вы ошиблись. По-моему, вы сцапали не того ребенка.

Улыбка обернулась оскалом, и я испугался, что оскорбил его.

– Я не к тому, что вы плохо справились с работой, – добавил я. – Просто, знаете, под влиянием сверстников и стремления соответствовать стандартам дети выглядят и одеваются настолько схоже, что порой у нас самих возникают проблемы с тем, чтобы друг друга различать. Однажды мои родители по ошибке увезли домой другого парня. Мои собственные родители. Так что с вашей стороны уж точно нет ничего позорного в том, чтобы вы неверно выбрали цель.

– Верно, – с нажимом отозвался тип.

ШАГ №2 К ВЫЖИВАНИЮ:

прервите цепочку мыслей похитителя.

– Говоря «верно», вы имеете в виду, что *я* все сказал верно? Или ваше «верно» означает, что *вы* не ошиблись с тем, кого похитили?

Я подождал ответа, но услышал лишь низкий недовольный рык. Пришлось сделать вывод, что в устах этого типа сей звук означает глубокую задумчивость.

– Когда вы не пользуетесь местоимениями, за разговором реально трудно уследить. Следовало бы сказать «*это* верно» или «*я* все сделал верно». Особенно в ситуации вроде этой, связанной с угрозами и требованиями. Неверно выбранное

местоимение может привести к тому, что выкуп в результате получит кто-нибудь другой, что никому из нас не принесет добра.

– Верно! – гавкнул он снова, словно, если говорить громче, проблемы с грамматикой внезапно решаются сами.

В тот же момент грузовичок вильнул, чтобы избежать столкновения с другой машиной, а тип надавил на клаксон и разразился тирадой гневных звуков – надо думать, выругался на румынском. Я рассудил, что его внимание достаточно отвлечено, чтобы можно было начать сантиметрик за сантиметриком придвигаться к рюкзаку.

– Не расстраивайтесь, – продолжал я. – Я понимаю, как трудно учить новый язык. Моя семья постоянно переезжает. Мне вот пришлось французский и итальянский выучить. Мольто диффичиле³. Это по-итальянски – значит «очень сложно».

– Заткнуться сразу!

– Прекрасный пример того, что я пытаюсь объяснить. Вы сказали «заткнуться сразу», а надо было – «немедленно заткнись». Английский – такой сложный. Но забудем про грамматику и вернемся к вашей ошибке с похищенным. Как я и сказал, спутать было легко, но и решить эту проблему тоже легко. Если вы меня отпустите, я обещаю никому не говорить. Просто подбросьте меня до ближайшего метро – и все.

³ Molto difficile.

– Закрывать рот или будет худо!

«Будет худо» прозвучало угрожающе. И вкупе со все той же нехваткой местоимений напомнило мне о третьем шаге из моего курса.

ШАГ №3 К ВЫЖИВАНИЮ:

не перечьте похитителю.

(Когда я рассказал Маргарет об этих шагах, она не могла поверить, что этот – не первый.)

Тем временем мне удалось преодолеть уже полпути к рюкзаку. Но, чтобы добраться до него, все еще требовался один, последний рывок. Когда мой куратор из ФБР предупредил меня насчет румын, я провел кое-какие исследования и набрел на веб-сайт с фразами на разных языках. И специально выучил одну – на случай вроде теперешнего.

– *Vehiculul meu aerian e plin cu maimute!*⁴

В произношении у меня уверенности не было, но это, должно быть, прозвучало вполне порумынски, поскольку в следующую секунду тип резко выкрутил руль, съехав на обочину, и ударил по тормозам. Грузовичок с жутким скрипом встал на месте, а меня швырнуло на пол.

В этот момент рюкзак оказался прямо под кончиками моих пальцев. Я изготавился к последнему броску, но тут тип встал, перебрался в кузов и навис надо мной безо всякого

⁴ Vehiculul meu aerian e plin cu maimute! (рум.) – Мой звездолет полон обезьян!

уважения к личному пространству (и гигиене ротовой полости).

– Что говорить ты? – требовательно спросил он с физиономией пошедшей красными пятнами.

– Я сказал, что, если вы меня отпустите, я никому не расскажу.

– Нет, – он нагнулся еще ближе. – Что говорить ты румынский?

Сглотнув, я предпринял еще одну попытку в отчаянной надежде, что верно запомнил предложение. Одно неверное слово могло придать фразе совсем иной смысл.

– *Vexîcu! ă! mîi aerîi e pînă la mîi mîi!*

Судя по неласковому взгляду собеседника, я все испортил. Я уже воображал собственные похороны, на которых держит речь мой инструктор из ФБР: «А я ведь говорил ему не перечить похитителям». А Маргарет качает головой и вторит: «А я говорила не ходить задворками „Верного пути“».

Тип присел и мясистыми лапами сжал мою голову. Я приготовился к неминуемому удару по черепу. Но удара не последовало. Вместо этого на лице румына расцвела широченная желтозубая ухмылка, а потом он рассмеялся.

– Везде? – переспросил он, не прекращая хохотать и ошибаясь в произношении.

– Ага, – отозвался я, улыбаясь в ответ и повторяя фразу по-английски: – Мой звездолет набит мартышками.

Дурацкая фраза с дурацкого веб-сайта, но, похоже, она сработала.

Контакт с похитителем наконец-то был установлен.

– Ты забавный, – сказал он, помогая мне подняться.

– Спасибо, – ответил я. – Кстати, «ты забавный» – превосходно построенное предложение с существительным и глаголом. Не знаю, помогло ли то, что вы почувствовали себя более расслабленным...

– Сейчас закрыть рот!

Н-да, контакт продлился недолго.

– А, и забыл о рюкзаке, – сказал он. – Я уже вытащить то, что ты искать.

Он усмехнулся, и у меня упало сердце.

– Для тебя – никаких звонков в дом, – добавил тип, вытащил мой мобильник из кармана рубашки и подбросил в воздух. Я постарался не показать облегчения от того, что он нашел только трубку, но не паническую кнопку.

– Ладно, – сказал я таким разочарованным тоном, на какой только был способен. – Никаких звонков в дом.

Пятнадцатью минутами спустя мы съехали с шоссе на грунтовку и припарковались за каким-то амбаром. Мой тип нарушил тишину, сказав:

– Не шути, пока здесь. Понял?

Звучало больше как предупреждение, нежели как приказ, – словно тот, с кем мне предстояло встретиться, вовсе не обладал чувством юмора.

– Понял, – отозвался я. – Спасибо.

Тип развязал мне ноги и повел меня в амбар. Кроссовки скользили в жидкой грязи.

– Сиди здесь и тихо жди, – проинструктировал похититель, когда мы подошли к старому деревянному столу для пикника.

ШАГ №4 К ВЫЖИВАНИЮ:

мозги лучше мускулов.

Я знал, что меня ждет встреча с Николае Невреску, безжалостным гангстером, известным под кличкой Ник Нож. Он был первым подозреваемым в деле, над которым я работал, и, исходя из его репутации, я подозревал, что упустил время для активных действий. Чем дольше я взвешивал ситуацию, в которой очутился, тем больше расстраивался. А, чем больше я расстраивался, тем труднее становилось дышать.

Вначале мое дыхание было медленным и затрудненным, но сейчас я уже просто хватал воздух ртом.

– Тихо! – прикрикнул похититель.

Я задышал интенсивнее и навалился грудью на стол – режим паники включен на полную.

– Что не так? – спросил тип.

Я попробовал сообразить, как умудриться гипервентилировать легкие и разговаривать одновременно, но тут мне на помощь пришел чей-то голос:

– Ему нужен его *инхалатор*, – последнее слово он произнес с румынским акцентом.

Подняв глаза от столешницы, я увидел обладателя голоса. Невреску.

– Да, – прохрипел я, кивая.

– Он где? – спросил похититель.

– Рюк... зак... – выдохнул я.

– Достань его! – сказал Невреску. – Мы не можем дать парню помереть. По крайней мере не сейчас.

Массивный мужик затрусил назад к грузовичку и вернулся с моим рюкзаком. Поскольку руки у меня были все еще связаны, он просто перевернул его вверх дном над столом, и я мотнул головой на ингалятор.

– Сожмите, – просипел я.

Тип поднес ингалятор к моему рту и сдавил, так что я смог набрать полные легкие спрея.

– Еще, – попросил я голосом уже больше похожим на нормальный.

Он сжал ингалятор второй раз, и я снова вдохнул.

Большое спасибо ФБР. Штука выглядела и работала в точности как настоящий ингалятор. Ни за что не догадаешься, что в действительности это и есть паническая кнопка.

– Благодарю, – проговорил я с длинным вздохом облегчения. – Вы мне только что жизнь спасли.

Помощь уже в пути. Теперь мне надо только тянуть время до ее прибытия.

Невреску сел напротив меня и принялся просматривать бумаги, разбросанные по столу. Не знаю, как положено выглядеть безжалостным боссом мафии, но у этого вид оказался гораздо более деловым, чем я ожидал. Стильная прическа с короткими висками и волосами подлиннее на макушке. Аккуратно подстриженные борода и усы. Ярко-голубые глаза. Невреску, как и мой похититель, говорил с акцентом, но его английский был безупречен.

– Флориан Бэйтс, – прочитал он на одной из домашних работ. – Ты – тот, о котором в ФБР говорят лишь шепотом. Тот, кого они зовут Маленьким Шерлоком.

– Без понятия, о чем это вы, – сказал я.

Он окинул меня разочарованным взглядом:

– Давай не будем играть друг с другом. Я знаю, кто ты, а ты знаешь, кто я.

Я неохотно кивнул:

– Знаю, что при ограблении в Национальной галерее искусств вы были мозгом операции.

Невреску хмыкнул:

– Мозг операции? Мне нравится, как это звучит. Хотел бы, чтобы это было так. Но ты ошибаешься. Я велел привезти тебя сюда для того, чтобы мы прояснили это недоразумение. А потом ты скажешь своим друзьям из ФБР, что они ищут не того.

Он начал закатывать рукава, демонстрируя коллекцию татуировок на предплечьях. Там был черно-красный угорь, в

котором я узнал эмблему Восточноевропейской Лиги (сокращенно ВЕЛ), преступного синдиката. Были и другие фразочки и символы из серии «для крутых мужиков». Но одна татуировка стояла особняком.

Она изображала ромашку, прямо под которой было набито «24/7». Напоминало логотип цветочного магазина, где есть ежедневная круглосуточная доставка. Только Невреску никак не смахивал на флориста.

Он увидел, на что я уставился:

– Что не так, Маленький Шерлок?

– *Юный* Шерлок, – поправил я.

– Что-что?

– Они называют меня не *Маленьким* Шерлоком. А *Юным*. Невреску рассмеялся:

– Мне показалось, ты без понятия, о чем это я.

Я взглянул прямо на него:

– А мне показалось, мы договорились не играть друг с другом.

– О'кей. Так в чем дело, Юный Шерлок?

– Не знаю, но вертится прямо на кончике языка, – сказал я, пытаюсь ухватить мысль. – Я буквально вижу...

Зажмурившись, я попытался представить кусочки пазла: ромашка, «24/7», ВЕЛ, ФБР, Ник Нож, Румыния, «Веселый лепреконт», «Верный путь». Никакой связи, но вдруг...

ЩЕЛК.

Я открыл глаза и улыбнулся. Разгадка казалась совершен-

но невероятной. Если бы не одна деталь: только такое объяснение складывало пазл воедино.

– Произошла огромная ошибка, – торопливо проговорил я. – Вам нужно срочно меня отпустить.

– Да ну? – рассмеялся Невреску. – Почему же я должен это сделать?

Я посмотрел ему в глаза не мигая:

– Потому что в течение пяти минут здесь появится ФБР, так что у нас совсем не остается времени обсудить, как ваша татуировка меняет все дело.

Глава вторая. Как быть в ТЕМЕ

Тремя месяцами ранее

Обещаю, я объясню, как тату Ника Ножа изменила все. Но для этого сперва придется объяснить, о каком таком «все» идет речь. Из чего следует, что мне нужно вернуться на пять месяцев назад, в день, когда я впервые прибыл в Вашингтон. В те времена никаким «негласным» я еще не был. Просто парень, чья семья много переезжает. И мозги преступных операций меня ничуть не интересовали. В конкретный момент времени меня занимал вопрос, куда подевалось мое белье.

– Мам! – проорал я сверху в лестничный пролет. – Не могу найти свои «боксеры»!

Можно было бы предположить, что четыре переезда за семь лет научат меня получше паковать и распаковывать свое барахло. Однако, вывалив три коробки со шмотками на кровать, я обнаружил множество свитеров, пиджаков и перчаток (весьма полезно, учитывая, что стояло лето в самом его разгаре). И ни одних трусов (не считая старых белых, в обтяжку, которые были малы на добрых два размера). Дошло до того, что после душа мне пришлось надеть купальные плавки.

– Мам! – опять воззвал я.

По-прежнему никакого ответа. Пришлось спускаться са-

мому. Я прошел половину лестницы и как раз начал снова:

– Ты не знаешь, где мои «боксе...»

Остаток фразы повис в воздухе: я увидел маму у открытой входной двери, разговаривающую с девочкой. А последнее, что мне хотелось бы обсуждать при каких-то посторонних девочках, – мое нижнее белье, так что я постарался вывернуться.

– Боксерские перчатки, – выпалил я с фальшивым покашливанием. – Не знаешь, где мои боксерские перчатки?

Судя по улыбке девочки, мне удалось обвести вокруг пальца целых ноль человек.

– Флориан, познакомься с нашей новой соседкой, – сказала мама. – Это Маргарет.

Первое, что вы замечаете, знакомясь с Маргарет, – не ее афроамериканскую внешность и даже не то, что она минимум на семь сантиметров выше меня ростом, а улыбку. Белоснежные зубы с серебристыми брекетами на нижней челюсти. В этом зрелище есть что-то невероятно бесхитростное и дружелюбное – всегда хотел уметь так улыбаться. Моя улыбка на фото выглядит так, словно меня напугало какое-то существо, притаившееся за камерой. Улыбка Маргарет же излучает уверенность.

– Добро пожаловать в наш район, – сказала она, протягивая маме тарелку с печеньем.

– Спасибо, – ответил я. – А я тут как раз разыскиваю... свои...

– Боксерские перчатки, – подсказала она.

– Ага, их.

В неловкой паузе мама пришла на выручку:

– Давай-ка я их поищу, а вы пока поешьте печенья. Идите на кухню, там не такой беспорядок.

Маргарет и я пробрались через хаос нераспакованных вещей в гостиной.

– Молока? – предложил я.

– Да, пожалуйста.

Вместо того чтобы сесть за стол, она исследовала кучи ба-
рахла на кухонной стойке – больше из любопытства, чем из
желания сунуть нос в чужие дела.

– Так откуда вы?

– Из Рима, – сказал я. Она подняла глаза:

– Того, что в Италии?

– А что, есть другой?

– Кажется, в штате Джорджия есть один, – заметила она.

– Мы точно не из того, что в штате Джорджия, – отозвал-
ся я. – Мы из того, где Колизей, вокруг которого гоняет на
скутерах уйма итальянцев.

– Вы всегда там жили?

– Нет. До того мы были в Бостоне, Лондоне и Париже, –
сказал я. – Мы много ездим. Родители работают в музеях.

– Звучит круто. Мои – юристы, – сказала она, плюхаясь за
кухонный стол. – Скучные юристы, не те, что с убийствами
работают. Кстати, симпатичный дом.

– Спасибо, – я вручил ей стакан молока. – По-моему, твой тоже классный. Мама бешено завидует цветам в вашем палисаднике.

Заметив ее реакцию, я мигом осознал свою ошибку и страстно захотел отмотать разговор назад и начать по новой.

– Ты в курсе, где я живу?

С секунду я таращился на свое печенье, а затем кивнул:

– В четырех домах от нашего, через улицу. Желтый дом с кирпичной трубой и пианино у большого окна в гостиной.

Она склонила голову набок и спросила:

– Откуда ты знаешь?

Я мог бы просто наплести, что видел ее у дверей или что-то в этом роде, но не хотел начинать знакомство с вранья. Так что сказал правду:

– Ну, я видел тот дом. А сейчас вижу тебя. И точно могу сказать, что ты живешь там.

– Можешь сказать? То есть я выгляжу так, словно живу в желтом доме? С трубой и пианино?

– Нет, конечно, – ответил я. – Просто сегодня утром я выходил прогуляться и...

– И увидел меня? – предположила Маргарет.

– Нет. Ты наверняка еще спала.

– В котором часу это было?

– В пять.

– Точно спала. А ты всегда ходишь гулять так рано?

– Не всегда. Но мы всего два дня как переехали, и мое

тело все еще живет по итальянскому времени. Просыпаюсь и больше не засыпаю. Вот и подумал, что это хорошая возможность познакомиться с соседями.

Она рассмеялась:

– Ну и много соседей ты встретил в пять утра?

– Ни одного, – отозвался я. – Но для того, чтобы с ними познакомиться, мне и не нужно их встречать. Можно очень многое сказать о человеке, просто посмотрев на то, что видно с тротуара.

– И теперь ты можешь сказать обо мне, что я живу в желтом доме с кирпичной трубой и пианино?

Я кивнул.

– Почему?

Прошлый опыт научил меня, что конкретно это мое умение отталкивает людей. Но я уже зашел слишком далеко, чтобы теперь останавливаться.

– Там во дворе, сбоку у дома, стоит велосипед с женской рамой, – объяснил я. – Сиденье поднято достаточно высоко: для кого-то твоего роста.

– Только то, что у велосипеда женская рама, еще не...

– Я не закончил, – перебил я. – На тебе футболка Университета Мичиган, а на окне серебряного универсала, что на подъездной дорожке у дома, – наклейка юридической школы этого университета. Еще на бампере у этого мини-вэна – стикер «ОК⁵ Динамо». И точно такой же – на бампере зеле-

⁵ В данном случае – сокращение от «округ Колумбия».

ного седана, припаркованного на улице.

– И что?

– Твои футбольные шорты, – я ткнул в них пальцем. – На них надпись: «ОК Д». Полагаю, ты играешь за «Динамо».

Она надкусила печенье, задумавшись над сказанным:

– Еще что-нибудь?

– Ну, глядя, как ты окунаешь печенье в молоко, я бы сказал, что ты левша. Вот как-то так.

С минутку Маргарет сидела приоткрыв рот.

– Потрясающе. Не знаю пока, потрясающе ненормально или потрясающе здорово. Но определенно потрясающе, – проговорила она наконец.

– Обычно люди думают, что это странно, и никогда больше со мной не заговаривают, – заметил я. – Но было бы классно, если бы ты решила, что это круто. В двух других домах дети слишком маленькие, так что ты – моя лучшая кандидатура на место друга.

– Серьезно? – спросила Маргарет. – То есть ты это проделывал со всеми домами в районе?

Я утвердительно мотнул головой.

Тут Маргарет осенила идея: я буквально увидел, как шестеренки у нее в мозгу поворачиваются. Подавшись вперед, она спросила:

– В каком доме живет сумасшедший, который начинает орать, едва ты хоть носком ботинка ступишь на его газон?

– Легче легкого, – откликнулся я. – Третий дом слева от

моего, синий, с живой изгородью, выстриженной до безумия идеально.

– Кто вешает слишком много рождественских украшений?

– Серый дом прямо напротив твоего.

Она покосилась на меня:

– Как ты, вообще, можешь...

– Под скатом крыши видны гвозди, на которые вешают гирлянды, – объяснил я.

– Ладно, тогда кое-что, что с улицы не разглядеть, – она просияла злодейской улыбочкой: – У кого до смешного огромная коллекция комиксов?

Я поиграл с ней минутку: пусть думает, что поставила меня в тупик. А потом сообщил:

– Зеленый дом на углу с двойными решетками на окнах цокольного этажа. И с автомобилем, у которого на рамке под номерной знак изображена Фантастическая Четверка.

В этот миг даже себе самому я казался фри-ком. Но Маргарет лишь улыбнулась и покачала головой.

– Хочу такую же, – сказала она. – Я. Хочу. Такую.

– Коллекцию комиксов или рамку под номерной знак?

– Нет, такую же способность. Научишь меня это делать?

Раньше мне никогда не приходило в голову, что мои умения представляют собой нечто, чем можно с кем-то поделиться.

– Ты хочешь, чтобы я научил тебя ТЕМЕ?

– Теме? – переспросила Маргарет. – Теме чего?

– ТЕМЕ – это сокращение от «**Теории мелочей**». С ее помощью я узнаю подробности о разных людях и местах. Идея в том, что, когда набираешь достаточно мелких деталей, это открывает тебе глаза на нечто большее.

– А где ты узнал об этой теории? Брал уроки философии? Или в шпионской школе?

– Я... придумал ее... наверное.

Маргарет это насмешило:

– Ты изобрел ТЕМЕ?

– В основу легли кое-какие вещи, которые я узнал от родителей, – сказал я. – Но собрал все вместе и придумал название я. Так что – да, получается, я ее изобрел.

– Ты сказал, твои родители работают в музеях, так?

– Отец проектирует охранные системы. Он как-то объяснял, что самое главное в его деле – находить крошечные нестыковки, которыми могут воспользоваться плохие парни.

– Как в утверждении: «Прочность цепи равна прочности самого слабого звена»?

– В точности, – подтвердил я. – А моя мама работает реставратором. Она восстанавливает старые полотна и говорит, что лучший способ понять картину – это обнаружить ту самую малейшую деталь, которая расскажет тебе всю историю. Как улыбка Моны Лизы.

– И это подвело тебя к ТЕМЕ?

Я кивнул.

– У моих родителей совсем разные профессии, но они оба берут за основу идею, что мелочи очень важны. Однажды я даже использовал ТЕМЕ, чтобы помочь отцу поймать преступника.

– Эту историю я точно должна услышать, – заявила Маргарет, хватая очередное печенье и радостно им хрумкая. – Как ты это сделал?

– Один музей в Испании грабили трижды за год. Вещи, которые крали, были малюсенькими, но жутко ценными. И никто не мог сообразить, как вора́м это удастся. Музей нанял моего отца, и он проверил там все на свете, но точно так же ничего не выяснил.

Но в один прекрасный день он оставил на столе кипу отчетов, и я начал их рассматривать. По большей части там была типичная писанина, непонятная мне, но я заметил, что во всех ограблениях встречаются два общих момента.

– Какие? – нетерпеливо спросила Маргарет.

– Музей грабили по субботам и только в дождливую погоду.

С минуту она переваривала это сообщение.

– И, узнав о субботе и дожде, ты раскрыл дело?

– Нет, – сказал я. – Я просто обратил на это внимание отца, благодаря чему он сумел помочь следствию. Видишь ли, по выходным охрану в музее обычно удваивают.

– В этом есть смысл.

– И, когда столько народу да еще идет дождь, все плащи и

дождевики не вешаются в гардероб. Приходится открывать дополнительное помещение, чтобы вешать их туда. Отпирая это помещение, они отключали часть сигнализации, иначе она вопила бы весь день.

– Блестяще, – признала Маргарет.

– Отец у меня сообразительный, – отозвался я.

– И ты научишь меня своей теории?

– Конечно, – сказал я. – Но в другой раз.

– Почему?

– Потому что прямо сейчас, как мне кажется, ты должна куда-то идти.

– А который час? – внезапно всполошилась Маргарет. – У меня же футбольная тренировка!

Она вскочила, но затормозила на полпути и обернулась на меня.

– А это ты как узнал? – требовательно спросила она: – Опять проТЕМил меня, да?

Я рассмеялся:

– Слово ТЕМЕ – это же не глагол. И – нет, я не ТЕМил. Просто из окна мне видно подъездную дорожку, и там только что встала ваша машина. Предполагаю, что женщина, которая идет к нашему дому, – твоя мама.

В тот же миг затрезвонил дверной звонок.

– Увидимся, – бросила Маргарет и вылетела из кухни. У входной двери она опять обернулась и добавила: – Кстати, на случай, если тебе интересно, считаю ли я тебя крутым или

придурковатым...

Я нервно вздохнул. Маргарет послала мне сияющую улыбку:

– Очень, очень крутым.

Глава третья. Свеча Наполеона

Некоторые вещи вы делаете автоматически. Например, дышите или ходите. И, поскольку вы не думаете о них, им трудно научить других. Вот как вы объясните кому-то, что нужно делать, чтобы дышать? Составите пошаговую инструкцию?

1. Вдохни воздух через нос.
2. Выдохни воздух обратно через нос.
3. Повторяй ежедневно по двадцать тысяч раз.

Может, оно и сработает. Но это будет жульничество, поскольку «вдохни воздух» и «выдохни воздух» – по сути то же самое, что и «дыши». То есть вы толком ничего и не объяснили. Просто заменили слова.

То же самое и у меня с ТЕМЕ. Скорее инстинкт, чем навык. Так что, когда Маргарет попросила меня научить ее, я просто не представлял, как сформулировать это более-менее осмысленно. Поэтому начал с того, что повел Маргарет в Национальную галерею искусств, где работает моя мама, и показал ей портрет рыжеволосого бородача.

– Маргарет, хочу представить тебя Винсенту Ван Гогу, – сказал я.

– Эй, Винс, как жизнь? – подыграла она. Затем повернулась ко мне: – Ну и зачем ты хотел нас познакомить?

– Потому что этого художника я знаю лучше всего. Мама

по нему с ума сходит, так что она много мне рассказывала. К примеру, о том, что он рисовал всего десять лет или около того и создал за это время более двух тысяч шедевров.

– Удивительное дело.

– И, как правило, он не мог себе позволить нанимать натурщиц, так что нарисовал множество автопортретов вроде этого. Обожаю эти цвета: оранжевая борода, синий фон, легкие зеленоватые тени на лице.

Маргарет изучала портрет:

– Очень круто. Только выглядит он что-то грустновато.

– Думаю, он часто грустил, – сказал я.

– И поэтому оттяпал себе ухо?

– Откуда ты знаешь?

– Да кто не знает, что Ван Гог отрезал себе ухо? – удивилась она. – Это общеизвестный факт.

– Наверное, – кивнул я. – Но вот что забавно: на этот счет все неправы.

Она с любопытством глянула на меня:

– Что, не отрезал?

– Может, отрезал. А может, и нет. Трудно сказать. Но дай-ка я представлю тебя еще кое-кому. – Я подвел ее к автопортрету на противоположной стене: – Это Поль Гоген.

– Ну, этот парень выглядит нечистым на руку.

– Почему ты так говоришь?

– У него над головой нимб, но в руке – змея. Так кто он? Ангел или дьявол? Герой или негодяй?

– Возможно, и негодяй, – ответил я. – Есть вероятность, что это *он* отрезал ухо Ван Гогу. Они жили вдвоем и постоянно ссорились. Гоген любил фехтование, так что мог посреди спора выхватить рапиру и угрожать ей Винсенту. Согласно этой теории, в один прекрасный день он так и сделал и случайно отрезал ему ухо.

– Если все было так, то почему Ван Гог никому не рассказал? – спросила она. – Почему позволил всем думать, что он сам это с собой сотворил?

– Он преклонялся перед Гогеном. Так что, возможно, произошедшее привело его в замешательство. Или, может, он не хотел, чтобы у друга были неприятности. Все, что мы знаем наверняка, – после того вечера они больше никогда не виделись.

Маргарет обдумала эту информацию:

– Интересно. Но, как ты и сказал, могло быть так, а могло и этак. Это просто теория. Если ты не знаешь наверняка, то нельзя утверждать, что все остальные неправы.

– Я не говорю, что они неправы, потому что *верят*, что Ван Гог отрезал себе ухо сам, – попытался объяснить я. – Я говорю, что они неправы, потому что они *уверены*, что он это сделал. Когда ты в чем-то уверен, ты больше не задаешь вопросов. А если не задавать вопросов о том, что кажется тебе известным, то видишь только то, что бросается в глаза. И ТЕМЕ для тебя бесполезна.

– Давай-ка проясним, – сказала она. – Ты говоришь, что

брошающееся в глаза – типа того, во что все верят, – скрывает из виду важные детали?

– Вот-вот, – подтвердил я. – И теперь, раз ты поняла, мы можем начинать.

Мы прошли через зал, и я показал Маргарет большущий портрет Наполеона в его кабинете.

– Итак, вот Наполеон, – произнес я. – Сколько там, на картине, времени?

– Это просто, – сказала она, глядя на напольные часы, изображенные на холсте. – Тринадцать минут пятого.

– Дня или ночи?

Маргарет наморщилась, подумала с мгновение и призналась:

– Без понятия.

– Давай посмотрим, сможешь ли ты это вычислить, – предложил я. – Воспользуйся ТЕМЕ.

Ей понадобилась около минуты, но затем на лице Маргарет вспыхнула улыбка озарения:

– Ночи.

– Как ты узнала?

– По зажженной свече, – ответила Маргарет. – Значит, на картине – середина ночи. Четыре часа.

– Это и есть ТЕМЕ, – сказал я. – А теперь давай попробуем на живых людях.

Музей был превосходным местом, чтобы попрактиковаться. Его заполнили самые разные люди, что предоставляло

нам обширную выборку для исследования. Посетители двигались достаточно медленно, так что у нас было время понаблюдать за ними. Мы начали с парочки в зале Рембрандта. Женщина в черном платье и мужчина в рубашке с галстуком.

– Что можешь о них рассказать? – шепнул я, когда мы встали напротив этих двоих.

Маргарет глянула на пару и быстро ответила:

– Обоим за двадцать. Она шатенка, примерно метр пятьдесят. Он брюнет, почти метр восемьдесят.

– Так, я перефразирую вопрос. Что ты можешь рассказать... ну, такого, что не указано в их водительских правах? Игнорируй то, что бросается в глаза. Что сообщает тебе ТЕ-МЕ?

Она посмотрела еще раз. Но через полминуты снова повернулась ко мне с разочарованным видом:

– Знаешь, если бы я уже умела это делать, я бы не просила меня научить.

– Справедливое замечание, – признал я. – Что, если я буду задавать тебе вопросы?

– Может помочь.

– Видишь ли ты какое-нибудь несоответствие?

– Типа одежды? – спросила Маргарет.

– Почему ты сказала про одежду?

– Они одеты для работы, а не для осмотра достопримечательностей.

– Хорошо, – одобрил я. – От этого и отталкивайся. По-

твоему, здесь, в музее, они работают?

– Нет, – ответила Маргарет. – Они бродят вокруг и смотрят картины как посетители, а не как сотрудники.

– Назови мне еще одну деталь, которая выделяется.

Она посмотрела на пару подольше и ответила:

– Ее обувь. Платье на ней миленькое, а на ногах – кроссовки. Одно с другим не сочетается.

– Очень хорошо, – похвалил я. – У тебя уже есть две мелочи, которые не вяжутся с остальным. Если сложить их вместе – о чем они расскажут?

Маргарет какое-то время думала:

– Она едет на метро, а потом идет до работы пешком. Хочет, чтобы ей было удобно, и не хочет поцарапать свои миленькие туфли, так что держит их в офисе, а на улицу надевает кроссовки. А сейчас, уверена, у этих двоих обеденный перерыв.

– Смотри-ка, да у тебя талант!

Она улыбнулась:

– Хочешь, расскажу еще?

– Конечно.

– Судя по их возрасту, они на стажировке. И она хотела пойти посмотреть на красивые картины. А он – пойти посмотреть на красивую девушку.

Я засмеялся:

– С чего ты так решила?

– Обрати внимание, как она смотрит на экспонаты. Погло-

цена целиком. А вот его голова все время повернута к ней.

Маргарет была абсолютно права.

– Вот я и говорю: ты прямо для этого создана.

Мы занимались этим весь следующий час, ходя от зала к залу, подмечая в людях маленькие детали и зацепки, пока не вернулись туда, откуда начали, – к автопортретам Ван Гога и Гогена. И там наткнулись на мужчину, задремавшего на диванчике, что делало его идеальным объектом. Мужчина не шевелился, поэтому рассматривать его было проще. К тому же с закрытыми глазами он не видел, как мы на него пялимся.

– Готова к проверке? – спросил я.

Маргарет уверенно улыбнулась:

– На все сто.

– Выясни об этой Спящей красавице все, что сможешь, и подойди ко мне у Гогена.

– Считай, дело в шляпе, – отозвалась она.

Я подошел к мужчине первым, притворяясь, что рассматриваю балерин Дега. Глядя на картину, я одновременно делал мысленные заметки насчет нашего объекта. Маргарет действовала куда прямолинейнее: просто села на другой конец диванчика и уставилась на спящего.

Она просидела там около минуты, затем подошла ко мне. Дерзость ее методики вызвала у меня улыбку, но Маргарет выглядела расстроенной.

– Что не так? – спросил я.

– До сих пор все получалось, но в этом типе я вообще ничего необычного не заметила. Единственное, что обращает на себя внимание, – шрам на щеке. Он что-то значит?

– Только то, что однажды этот тип порезался, – ответил я.

– Вот и я так подумала.

– Хочешь, я буду задавать вопросы, как мы уже делали?

– Не хочу, – ответила Маргарет. – Но, похоже, без этого никак.

– Не все всегда так очевидно, – сказал я. – Начинай с малого и постепенно научишься. Можешь сказать что-нибудь о том, где он живет?

Она было уставилась на меня с видом «С ума сошел?!», но затем кое-что сообразила:

– Не в округе Колумбия. На нем футболка из Музея шпионажа, а на шее висит огромный фотик. Он турист. Значит, живет не в Вашингтоне.

– Хорошо, – сказал я. – Теперь ты знаешь, где он *не* живет. А насчет того, где живет, есть идеи?

– Нет, – обескураженно ответила Маргарет. – А у тебя?

– Он из Европы. Естественно, мне было легче это понять: я ведь сам две недели как оттуда.

Она обернулась на незнакомца и тут увидела все сама:

– Его обувь! Смешная обувь для бега!

– В яблочко, – сказал я, делая ей знак говорить потише. – Это кеды «Европа». Восточноевропейский бренд. В Штатах такие не продаются.

– Круто! – сказала Маргарет. – В следующий раз я справлюсь лучше. Устрой мне еще одну проверку.

– Мы с ним еще не закончили.

– Нет? А что еще ты можешь сказать?

– Он носит контактные линзы, он левша, а здесь он с женой и ребенком.

– Такое узнать невозможно, – заявила Маргарет. – Или... возможно?

– У него на переносице и на скулах – особые отпечатки, которые остаются, если долго носить очки. Но сегодня никаких очков не видать – значит, он в линзах. На его плече пятна слюны: такие можно заполучить, если держать на руках младенца. И, раз уж мы разобрались, что его футболка – сувенир из поездки, то, вероятнее всего, он надел ее впервые. Стало быть, пятна свежие, а значит, он сегодня возился с ребенком. Обручальное кольцо сообщает нам, что этот человек женат. А раз он носит его на правой руке, то, вероятно, из Европы – скорее всего, из Восточной Европы. Там кольца чаще носят на правой. Я предполагаю, что они с женой впервые поехали за границу с малышом, что объясняет, отчего наш объект так устал.

– А как ты выяснил, что он левша?

– Пятна детской слюны на правом плече. Именно так будет у левши. Ты же тоже левша: как бы ты держала младенца?

Маргарет задумалась и даже притворилась, что поднимает ребенка на руки. Ее инстинктивным движением было при-

ложить его к правому плечу.

– Признаю, это умно, – сказала она. – Но ты не можешь знать наверняка. Все это только предположения.

– Да, но предположения обоснованные. Весь смысл ТЕМЕ в том, что одна мелочь может направить тебя не туда, но, чем больше мелочей, тем больше вероятность, что твои догадки верны. Например, обувь и обручальное кольцо *вместе* означают Восточную Европу.

Тут к спящему подошла женщина с младенцем и заговорила на незнакомом нам языке. Мужчина улыбнулся, взял ребенка, приложил к правому плечу и левой рукой похлопал его по спинке. Маргарет понаблюдала, как супруги обмениваются быстрым поцелуем и выходят из зала.

– Когда-нибудь я научусь, – заявила она.

– Чему? Управляться с младенцем?

– Очень смешно! – Она ткнула меня кулаком. – Нет, вот так вот читать людей. Как ты.

Неделей спустя Маргарет была у меня, а мама готовила свой особый воскресный соус к спагетти. Это легендарный семейный рецепт: соус булькает на медленном огне целый день, наполняя весь дом невероятно аппетитным ароматом.

– Пахнет изумительно, миссис Бэйтс, – сказала Маргарет, входя в кухню.

– Спасибо, – отозвалась мама. – Может, ты останешься на ужин?

– На такой ужин? Останусь с превеликим удовольствием!

– Предупреди родителей. Отец Флориана уже едет домой из аэропорта, так что ужинать будем примерно через час.

Папа уезжал по делам, его не было почти всю неделю. Когда он сел за стол, то даже не успел ничего нам рассказать – Маргарет опередила его:

– Хорошо поиграли в гольф в Калифорнии?

– Ну, удовольствие я получил, – ответил папа, – хотя играл ужасно.

Маргарет кивнула и заметила:

– Чужими клюшками трудно играть хорошо. По крайней мере мой папа так говорит.

Она пыталась сохранять невозмутимый вид, но, обернувшись и увидев выражение моего лица, не удержалась от широченной ухмылки.

– Откуда ты узнала, что папа был в Калифорнии? – спросил я. – И как вычислила, что он играл там в гольф? Этого даже я не знал, так что не мог тебе рассказать.

– И каким образом ты определила, что я пользовался чужими клюшками? – добавил отец.

Маргарет сияла, глядя на наши пораженные лица:

– Просто применила ТЕМЕ. Только и всего.

Глава четвертая. Копиист

Мы так и сидели в молчаливом изумлении, пока мама не расхохоталась.

– Ну наконец-то, – восхищенно заметила она, – кто-то проделал с Флорианом то же самое, что он постоянно проделывает с нами.

Я тоже рассмеялся. Я просто поверить не мог: Маргарет воспользовалась ТЕМЕ, чтобы вычислить, что мой отец одолжил чьи-то клюшки для гольфа, будучи в Калифорнии. И я даже не представлял, как ей это удалось. Я так и таращился то на нее, то на отца, пытаюсь сообразить, что за зацепки она заметила.

– Лучше расскажи ему, как ты это сделала, – посоветовал отец, – пока его мозг не взорвался.

– Да, пожалуйста, – попросил я. – Я в полном тупике.

Еще мгновение Маргарет понежилась в лучах славы, а затем приступила к объяснениям:

– Прежде всего – поездка в Калифорнию. Я поняла еще прежде, чем мы сели за стол. Мистер Бэйтс положил кейс на столик в прихожей, и из кармашка торчал край «Лос-Анджелес таймс», – она повернулась к отцу: – Думаю, вы читали ее в самолете на обратном пути.

– Само собой, читал, – подтвердил папа. – Очень неплохо.

– Но этого недостаточно, – возразил я, подняв руку. – То,

что у папы есть лос-анджелесская газета, еще не означает, что он сам был там. Мы каждое воскресенье получаем «Нью-Йорк таймс», не ездя за ней в Нью-Йорк. «Лос-Анджелес таймс» продается в аэропортах по всей стране.

– Верно, но ТЕМЕ говорит о совокупности мелочей, – отозвалась Маргарет. – А ты не дал мне закончить. На кейсе твоего папы есть бирка. И на ней написано: «ХМОЛА».

– «Хмола»? Что это?

– Не знаю, но, уверена, «ЛА» там означает «Лос-Анджелес». Может, «Художественный музей обществ Лос-Анджелеса».

– «Художественный музей *округа* Лос-Анджелес», – поправил отец. – Это мои новые клиенты. Последние три дня я изучал их протоколы безопасности.

– И так ты вышла на Калифорнию, – сказала мама. – Но откуда ты узнала, что он играл в гольф?

– Его выдали руки.

Отец поднял руки, и я тут же все увидел.

– Правая загорела, а левая бледная, – я покачал головой. – И как я мог это прошляпить?

– Да, Флориан, ну как ты мог это прошляпить? – укорила мама и, повернувшись к Маргарет, шепнула: – А что он прошляпил?

– Когда играешь в гольф, надеваешь одну перчатку, – объяснила наша гостья. – И, если достаточно много играть, за короткий срок на солнце загорит только одна рука.

Мама с подозрением глянула на отца и поинтересовалась:

– Ну и сколько именно времени ты посвятил гольфу, изучая *протоколы безопасности*?

Папа ухмыльнулся:

– Разве я виноват, что директор музея любит поговорить о работе за игрой в гольф?

– По-прежнему непонятно, как ты узнала о том, что отец брал у кого-то клюшки, – сказал я.

Маргарет улыбнулась:

– Это-то оказалось легче всего. Мы же все присутствовали здесь, когда твой папа приехал домой. У него с собой были чемодан и ручной кейс...

– ...а клюшек не было, – закончил я.

– Не-а. Значит, ему пришлось у кого-то их там одалживать.

Блестяще! На самом деле – даже лучше, чем блестяще. Идеально. Маргарет взяла мою фишку и превратила ее в *нашу* фишку. До сего момента практическая ценность ТЕМЕ сводилась к тому, что этот метод помогал осваиваться на новом месте, когда мы с семьей переезжали. Но в тот день теория стала чем-то бóльшим. Она превратилась в занятие для двоих.

К примеру, во время поездок в метро мы развлекались такой игрой: смотрели, кто что держит в руках, и пробовали на основании одного этого предсказать, кто выйдет на следующей станции. Однажды мы сидели на ступенях мемори-

ала Линкольна и пытались вычислить, какой из туристов из какого штата, глядя на их одежду. Чем больше мы играли, тем лучше у нас получалось. Но мы не старались специально развивать свои навыки, чтобы сделаться шпионами, детективами или кем-то вроде. Нам просто было весело.

До тех пор, пока мы не увидели его.

Это случилось двадцать девятого июля. Я запомнил, потому что это был день рождения Маргарет. В качестве подарка моя мама устроила для нас экскурсию по музейному закулисию. Она провела нас в студию, где работает, показала всякое хайтековое оборудование и даже дала посмотреть на свежеполученного Пикассо, которого еще не выставили. Было жутко круто. Выйдя из студии, мы оказались в галерее импрессионистов.

Мы прошли мимо художника, который копировал картину Моне «Женщина с зонтиком».

– Он реставратор, как твоя мама? – спросила Маргарет.

– Нет, – ответил я. – Он копиист.

– В смысле фальсификатор?

– Фальсификация – это когда ты выдаешь свою работу за оригинал, – объяснил я. – А копиисты – это художники, которые практикуются, перерисовывая чужие работы. Отличный способ учиться у мастеров. С него начинали большинство великих художников.

– Так он здесь не работает?

– Нет, просто получил от музея разрешение. Не думаю,

что это было трудно, потому что он действительно хорош. Его картина – точь-в-точь как оригинал.

– Тоже европеец, – заметила Маргарет.

– Точнее, француз, – поправил я. – Это Моне, «Женщина с зонтиком».

– Я не про автора картины! А про того, кто ее перерисовывает. Он европеец, посмотри на обувь.

На копииисте были кеды «Европа», точно как у того типа в первый день, когда я начал учить Маргарет ТЕМЕ.

– Прямо как у Спящей красавицы, – подтвердила она.

Я рассмеялся, но тут кое-что привлекло мое внимание. Человек, которого мы видели в первый день, был молодым отцом в отпуске. Человек перед нами – художником за работой. Поставь их рядом – не найдешь почти ничего общего. Но Теория мелочей привела меня к неожиданному выводу:

– По-моему, это тот же парень.

– Исключено, – возразила Маргарет. – Тот – блондин, а этот – брюнет.

– Я вижу.

– И первый был стопроцентным туристом, – добавила она, – а не студентом-хипстером, изучающим живопись.

– Это я тоже вижу. Но все-таки думаю, что это он.

– Почему?

– Во-первых, посмотри, как он держит кисть. Он левша, как и тот тип.

– И как множество других людей, – парировала Маргарет,

подняв руку и шевеля пальцами: – К примеру, я.

– Только десять процентов людей – левши, – заявил я. – Если ты помножишь эти десять процентов на небольшое число тех, кто в Вашингтоне носит такую обувь, и еще сузишь круг, оставив только мужчин его возраста и телосложения, итоговая сумма окажется смехотворно мала. А теперь учти, что двое таких мужчин побывали в одном музее за последние несколько недель. Можно сделать вывод, что перед нами тот же человек, которого мы видели в прошлый раз.

– То есть ты утверждаешь, что доверяешь ТЕМЕ больше, чем собственным глазам? – уточнила Маргарет. – Если всякие мелочи говорят тебе что-то – ты будешь считать это правдой?

Прежде чем ответить, я минуту подумал:

– Да. Именно так.

Она вздохнула:

– Я тоже. Не могу ткнуть пальцем в конкретную причину, но он и мне кажется тем же самым человеком. Было бы здорово, имей мы способ убедиться наверняка.

– Да, – согласился я, погруженный в собственные мысли.

Мы еще немного постояли, а затем одновременно повернулись друг другу и хором проговорили:

– Шрам.

– На щеке, – проговорила Маргарет. – А помнишь, кто его заметил?

– Кажется, ты.

– Ой, тебе не *кажется*! – поддела она. – Ты *знаешь*, что я. Ты думал, что он ничего не значит, а я думала, что он как раз важен. И, выходит... Права была я.

– И какой у нас план? – спросил я. – Хочешь постоять тут, поздравляя себя? Или все-таки подойти и поискать шрам у этого парня?

– Я за оба варианта, – отозвалась Маргарет. – Но я над тобой сжалюсь. Идем и выясним.

Я вычислил, что мы вполне сможем бросить взгляд на щеку художника, притворившись, будто разглядываем соседние картины. Но стиль Маргарет – переть напролом. Она просто подошла прямо к этому типу и глянула ему через плечо:

– Вы очень красиво рисуете, – похвалила она.

– Спасибо, – откликнулся он с легким акцентом. – Когда оригинал так прекрасен, как Моне, его и копировать легче.

Заговорив, он повернулся к Маргарет и улыбнулся. Шрам оказался на месте: пересекал его левую щеку.

Ни у одного из нас больше не оставалось сомнений. Это был тот же человек.

Глава пятая. «Фогги Боттом»

– Что нам делать? – торопливо спросила Маргарет.

– В каком смысле?

– Вызовем полицию? Или охрану поднимем?

– И что мы им скажем?

Перейдя в просторный коридор в центре здания Национальной галереи, мы могли присматривать за копиистом так, чтобы он нас не слышал.

– Ну, скажем, что этот человек – не тот, кем прикидывается, – возбужденно прошептала Маргарет.

– Он никем не прикидывается, – возразил я. – Он говорит, что он копиист. И, судя по его картине, он именно копиист и есть.

– Значит, он фальсификатор, – заявила она. – И рисует поддельную «Женщину с зонтиком», чтобы продать на черном рынке. Как по-твоему, где находится черный рынок картин? В Париже? Каире? Или Марракеше?

– Ставлю на Марракеш, – рассмеялся я. – Только ты не учишься, что подделывать картину, которая выставлена на всеобщее обозрение, нет никакого смысла. Это никого не одурачит: покупателю надо только зайти в интернет и увидеть, что оригинал выставлен в музее.

– Поняла-поняла-поняла, – волнуясь, выпалила Маргарет, все еще стараясь говорить негромко. – Он шпион. Нет, даже

круче: международный киллер! Так все складывается.

– Ради всего святого, как это у тебя все складывается с международным киллером?

– Он полностью изменил внешность, – стала перечислять она. – Следовательно, что-то скрывает. Так ведут себя киллеры. Это же вообще для них самое первое дело. Ну... второе, после убийств.

– Я создал монстра, – покачал я головой. – Наверное, надо было тебя пораньше предупредить, но в этом – главная ловушка ТЕМЕ. И, похоже, ты сейчас лезешь прямиком в нее.

– Что за ловушка? – спросила Маргарет.

– Безумные теории заговора, – объяснил я. – Если нечто оказывается неожиданным – это еще не означает, что это нечто подозрительно. Большинство таких штук совершенно невинны и легко объясняются. Если вдуматься, все, что этот парень натворил, – это изменил прическу. Разве ты сама никогда этого не делала?

– Делала, но... – Немного сникнув, Маргарет испустила тяжкий вздох: – И почему тебе непременно надо испортить мне все веселье?

Я рассмеялся:

– Так тебя бы развеселило, окажись он и в самом деле международным киллером?

– Может, «веселье» – не то слово, – отозвалась она. – Но ты понимаешь, о чем я. Именно ты научил меня ТЕМЕ, и я всего лишь пытаюсь ее применять.

– Да, строя на ее основе дикие гипотезы, – заметил я.

– Ладно, – согласилась Маргарет. – Забудем киллера. Забудем фальсификатора и шпиона. Просто скажи мне честно, что тебе не кажется подозрительным этот мужик, и я отступлюсь.

Через дверной проем я посмотрел, как копиист начинает складывать кисти и краски, закончив работу. Это определенно был тот парень, но выглядел он совсем по-другому, чем тогда...

– Ладно, – признал я. – Он немного подозрительный. Но мы не можем сказать полиции или охране: арестуйте, мол, этого типа, потому что он перекрасил волосы. Уверен, они попросят доказательств или чего-то такого... ну, знаешь... криминального.

– Согласна полностью, – к моему облегчению, заявила Маргарет, а затем добавила: – Так что давай их найдем и передадим им.

– Найдем что?

– Доказательства, – ответила она. – Проследим за ним и посмотрим, куда он отсюда направится.

Я подумал, что это шутка, и подождал, пока Маргарет засмеется. Напрасно. Она говорила всерьез.

– Это худшая идея на свете, – сообщил я.

– Почему это?

– Прежде всего, мы не умеем вести слежку. Мы просто играем с ТЕМЕ. Это не превращает нас в шпионов. Ну а вдруг

он – на самом деле плохой парень и сцапает нас? Это будет космически плохой исход.

– Он нас не сцапает, – возразила она. – Гарантирую.

– И ты так в этом уверена, поскольку...

– Мы будем следить за ним с помощью ТЕМЕ, – ответила Маргарет.

– И что это должно означать? – Я поднял бровь.

– Будем *следить* за ним, но не *следовать*. Мы заставим его самого следовать за нами. Изучим этого типа, выясним, куда он собрался, и попадем туда раньше него. Он не заметит, что мы у него на хвосте, если мы окажемся впереди.

– Ты имеешь в виду – как предсказывать, кто на какой остановке метро выходит?

– Именно это я и имею в виду. Видишь полиэтиленовый пакет, куда он складывает вещи?

Я покосился на типа:

– Конечно.

– На пакете – логотип книжной лавки Университета Джорджа Вашингтона. Если парень – студент и живет неподалеку от кампуса, значит, он сойдет на станции метро «Фогги Боттом». Так что давай доберемся туда первыми и подловим его.

Прежде чем ответить, я поколебался. Маргарет удалось меня заинтересовать, но ситуация все равно меня пугала.

– Не забывай: сегодня мой день рождения, – напомнила она. – Можешь сделать это в качестве подарка мне.

– Я уже подарил тебе подарок, – возразил я, имитируя

протест. – И самым опасным в нем была потенциальная возможность порезаться упаковочной бумагой.

– Если появится хоть малюсенький намек на опасность, обещаю, мы все прекратим. Вернемся ко мне домой и будем есть торт.

Подозрительный тип почти собрался. Копиисты обычно хранят свои принадлежности в комнате на нижнем этаже, и это был наш единственный шанс осуществить план Маргарет.

– Ну давай же, – настаивала она. – Получится настоящее приключение!

«Приключение» – слово, перед которым я не мог устоять.

– Хорошо, – сказал я. – Но только потому, что у тебя день рождения. И еще: на кусок торта я рассчитываю в любом случае.

Получасом позже мы сидели на скамейке у входа на территорию университетского кампуса, попивали для борьбы с летним зноем газировку и приглядывали за выходом из метро. Полчаса спустя мы продолжали заниматься тем же.

– Сколько еще просидим, прежде чем сдать? – Я шутил только наполовину.

– Мы не собираемся сдаваться, – ответила Маргарет. – Это сработает. Просто нужно иметь терпение.

– Разве ты не собиралась пойти куда-то с родителями на праздничный ужин?

– У меня еще час, – ответила она. – А у нас с тобой в

запасе двадцать минут, чтобы я успела добраться домой и переодеться.

– В какое-то модное место собираетесь?

– Не-а. В «Бен'с Чили Боул». Это гамбургерная-хотдоговая на Ю-стрит. Мы туда каждый мой день рождения ходим.

– Круто, – сказал я. – У нас вот нет таких традиционных местечек. Слишком много переездов.

– У меня все наоборот, – заметила Маргарет. – Я всю жизнь в одном доме прожила, – тут она помялась секунду и прибавила: – Ну, кроме первой пары недель.

– Ты про что?

Она отпила газировки и задумалась над ответом.

– На самом деле... я приемная, – осторожно проговорила она. – Мы в точности не знаем, откуда я взялась. По правде говоря, даже не знаем, сегодня ли мой день рождения. Просто выбрали этот день – надо же когда-то праздновать. Настоящие родители бросили меня на крыльце пожарной части, когда мне было дней десять. Пожарная часть номер четыре.

Это совершенно выбило меня из колеи. Наверное, из-за слова «бросили» – такого холодного и печального. С минуту я помолчал, а потом сказал:

– Поразительно, как человеку может так не повезти и так повезти – и все на одной неделе.

– Ты о чем?

– Так не повезти с родителями, которые такое сотворили.

И так повезти получить тех родителей, которые сейчас у тебя есть.

Уголки ее губ поднялись и изобразили слабенькую улыбку:

– Спасибо.

Снова глотнув газировки, Маргарет собиралась сказать что-то еще, но в этот момент мы засекли нашего парня на выходе из метро.

– Вот и он, – объявил я.

Тип был один и торопился. На секунду мы замерли от удивления, что план все-таки сработал.

– Не вставай, – шепнул я. – Ты с ним разговаривала, он видел твое лицо. Просто смотри на меня.

Маргарет повернулась ко мне, а я наблюдал за парнем. Он подошел к нам почти на пять метров, а потом перебежал улицу.

– А вот теперь можешь смотреть, – разрешил я.

Мы пошли за типом по своей стороне улицы, держась примерно в трех метрах позади. Пульс у меня зачастил.

Парень повернул на Аш-стрит и вошел в десятиэтажный кирпичный дом с табличкой «Корпус Филиппа С. Амстердама» – одно из университетских общежитий.

– Ну вот, теперь мы знаем, что он студент, – сказала Маргарет.

– Что еще не делает его преступником.

– Верно, но ведь мы не закончили слежку.

– Разве нет?

Она потрясла головой:

– У меня осталось целых десять минут.

Мы пересекли улицу и подошли к общежитию. Попробовали открыть дверь, но без ключ-карты ничего не получилось. Окна были затемнены, так что мы сложили ладони козырьком вокруг глаз и прижались к стеклу. Листовка на двери рассказывала о расположении корпусов.

– Думаю, нам пора, – сказал я.

– Дай мне минутку! – Маргарет постучала в стекло косячками пальцев. – Хочу заглянуть внутрь.

Она постучала снова.

Мы уже были готовы уйти, но тут кто-то открыл дверь.

Маргарет начала благодарить, но осеклась, увидев, что на пороге стоит не кто иной, как копиист. В его взгляде промелькнула тень узнавания.

– Мы знакомы? – спросил он.

– Нет, – ломающимся голосом откликнулась Маргарет.

– Вообще-то, кажется, мы вас уже видели, – сказал я, стараясь соображать быстрее. – Мы стояли тут, в вестибюле, несколько дней назад, и ждали моего брата. Он живет на пятом этаже.

Копиист какое-то время смотрел на меня, затем медленно кивнул:

– Наверное, так и было.

Он придержал для нас дверь, но мы оба слишком напуга-

лись, чтобы пошевелиться.

– Вы заходите или нет?

– Нет, – сказал я, стараясь не выдать голосом, как нервничаю. – Я просто хотел посмотреть, может, брат здесь. Но его нет, так что мы снаружи подождем.

– Ага, – поддержала Маргарет. – Спасибо.

Наш тип пожал плечами и бросил:

– Ну ладно.

Он исчез внутри, а мы застыли секунд на двадцать. (Вопрос, было ли это взвешенным и хладнокровным решением в интересах конспирации, или же нас парализовало от страха, остается открытым.) А потом драпанули к станции метро, заскочили, тяжело дыша, в поезд и хлопнулись на сиденья. Меня не отпускало до тех пор, пока двери не закрылись и я не убедился, что тип нас не преследует.

– Ладно, – сказала Маргарет. – Признаю официально: это была наиглупейшая идея на свете.

Для членораздельной речи меня слишком сильно трясло, поэтому я только кивнул в знак согласия.

Глава шестая. Место преступления

Втечение следующих двух недель мы с Маргарет держались подальше от Национальной галереи, чтобы ненароком не наткнуться на копииста. Мы решили ничего не говорить ни охране (поскольку у нас не было доказательств), ни родителям (поскольку наверняка получили бы нагоняй за беготню по всему городу за незнакомцем). Наше *приключение* осталось между нами, и мы сосредоточились на стремительно приближающемся начале учебного года.

За все то время, что моя семья переезжала с места на место, я прекрасно развил навыки выживания новичка. Обычно я использовал ТЕМЕ, чтобы подбирать себе друзей, избегая недотеп и задир. Но Маргарет дала мне кое-что новое: инсайдерские сведения. Она рассказала о разных группировках, своих любимых учителях и о том, к какой еде в кафетерии лучше не притрагиваться (почти ко всей).

Мы даже сходили на разведку. Ее футбольная команда играла на поле позади школы, и в один прекрасный день я решил тоже попрактиковаться. Затем Маргарет представила меня кое-кому из одноклассников, своих товарищей по команде, а потом мы немного прогулялись по территории. Главный корпус был огромным: три этажа красного кирпича со здоровыми колоннами перед центральным входом. Зрелище устрашало. А когда я заглянул в окно и увидел беско-

нечный коридор со шкафчиками, то призадумался, не буду ли чувствовать себя там потерянным.

В ту же ночь рингтон на трубке отца разбудил меня в дванадцать. Я бы постарался заснуть снова, но, услышав папин голос, понял, что произошло нечто экстраординарное. Я волновался насчет дедушки, который серьезно болел, и испугался, что ему стало хуже.

Сонный, я выбрался в коридор как раз в момент, когда папа сбегал по ступенькам, застегивая рубашку на ходу.

– Кому-то плохо? – спросил я. – С дедушкой Тедом что-то?

– Дедушка в порядке, – ответил отец. – Я не хотел тебя разбудить.

– А куда ты?

– Из Национальной галереи похищены три картины, нужна моя помощь. Иди спать.

Отец прошел половину пути до двери, прежде чем мой полубодствующий мозг установил связь.

– Подожди! – окликнул я.

– Не могу, дружище, дело важное. Поговорим утром.

– Украли картины импрессионистов?

Дверь захлопнулась, и я понял, что отец меня не услышал. Но через миг она медленно открылась вновь. Я увидел папу на пороге: он глядел на меня, освещенный со спины уличным фонарем:

– Почему ты спросил? С чего взял, что это импрессиони-

сты?

Я глубоко вдохнул и выдохнул:

– Кажется, я кое-что знаю.

– У меня нет времени на игры, Флориан. «Кое-что» – это что?

Неловкое молчание.

– «Кое-что» – это, возможно, «кто это сделал».

В ответ я получил непонимающий взгляд.

– Мы с Маргарет заметили странного парня, который болтался в музее... и вроде как проследили за ним.

– Вы – что сделали?! – воскликнул папа.

– Да, это было глупо, – признал я. – Но он казался подозрительным. И торчал в отделе импрессионизма.

Отец слишком спешил, чтобы проанализировать ситуацию как следует, поэтому доверился чутью:

– Быстро одевайся. Я скажу маме, что ты едешь со мной, и умолчу о том, что вы следили за каким-то подозрительным человеком. Разберемся с этим позже.

– Хорошая мысль, – одобрил я. – Хотя на самом деле нам вообще не требуется рассказывать ей об этом, ведь так?

Днем мы доехали бы от дома до музея минут за тридцать пять, но по пустым улицам домчались за двадцать. Этого времени мне как раз хватило, чтобы рассказать папе все, что я знал о человеке в кедах «Европа».

Отец затормозил, повернув на авеню Конституции, и впереди показалось здание музея.

– Там сейчас начнется полная неразбериха, – заметил он.

Подъехав ближе, мы увидели офицеров охраны, которые устанавливали деревянные заграждения поперек тротуаров, и съемочные группы новостных служб, выгружавшие камеры и прочее оснащение из грузовичков. Все расцвечивали красные и синие огни полицейских машин, заполонивших улицу.

К подземному паркингу было не подобраться, поэтому мы оставили автомобиль напротив Смитсоновского музея естественной истории и отправились дальше пешком.

На пропускном пункте отец сунул охране удостоверение, и мы зашагали по массивным ступенькам вверх, ко входу.

– Ищут улики, – заметил он, кивком головы указывая на копов, которые светили фонариками в кусты перед зданием.

Происходящее казалось абсурдом.

Мы зашли в центральную ротонду, и первым делом я увидел там пару детективов, опрашивающих уборщиков. Те нервничали так, словно гигантские колонны вокруг них были решетками камеры предварительного заключения.

– По-твоему, они свидетели или подозреваемые? – спросил я.

Отец лишь пожал плечами:

– Хороший вопрос.

По дороге я оглянулся через плечо, пытаясь оценить ситуацию. Обычно дневной свет создавал в коридоре яркую солнечную атмосферу. Но сейчас здесь царил жутковатый су-

мрак, а некоторые углы были совершенно темными.

Мы остановились, чтобы заглянуть в зал с табличкой «Импрессионизм/Галерея 85», где Маргарет и я видели копииста перед «Женщиной с зонтиком». Однако вход перегородивала ярко-желтая полицейская лента. Внутри оперативная бригада исследовала большой участок стены, где прежде висела картина.

– Ого, – сказал папа, увидев пустое место. – Ничего себе!

– Что пропало? – спросил я.

– «Ребенок с игрушками», – ответил он. – Ренуар.

– Невероятно, – выдохнул я.

В соседней галерее было еще оживленнее.

– Две другие картины похитили оттуда, – сказал отец. –

«Урок танцев» Дега и «Девушка в белом» Ван Гога.

– Ренуар, Дега и Ван Гог, – я покачал головой. – Этот парень на ерунду не разменивается.

– Да уж, – сказал отец.

На лифте мы спустились под землю, на минус третий этаж, где располагался офис службы безопасности. Мрамор и песчаник придавали музею сходство с древнеримским храмом, но интерьер помещения безопасников словно скопировали из научно-фантастического кино. Мебель была из черной кожи и серебристого металла, а стены чуть ли не сплошь покрывали мониторы, позволявшие наблюдать за всем зданием.

Один мужчина, в стильной черной футболке и черных же

джинсах, говорил с английским акцентом по мобильному телефону в углу офиса, другой яростно печатал что-то на центральной компьютерной консоли. Британец старался, чтобы его голос звучал спокойно, но мерил комнату шагами и выглядел каким угодно, но только не спокойным.

– Нет, сэр, у меня все под контролем, – совершенно неуверенно заявил он собеседнику. – Мы с этим разберемся.

Человек за компьютером поднял глаза и увидел моего отца:

– Рад, что ты пришел, Джим.

Он был грузным, с крупным луноподобным лицом. Бледность и круги под глазами создавали впечатление, что этот тип либо толком не спит, либо прячется от солнца. Пиджак на нем перекрутился, галстук съехал набок, и весь он казался помятой развалиной.

– Хочу, чтобы ты просмотрел данные с... – Он оборвал себя на полуслове, заметив меня: – А это кто?

– Эрл, это мой сын Флориан, – сказал папа. – История длинная... В общем...

Продолжить ему не дали: дверь распахнулась, и в помещение ворвались еще двое. Я узнал Сирену Миллер, начальницу службы охраны музея и папиного старинного друга: она приезжала к нам в гости, когда мы только перебрались в Вашингтон. Сейчас ее сопровождал высокий афроамериканец в темно-синем костюме с галстуком в тон – в отличие от Эрла, свежий и подтянутый и, в отличие от Британца, не ста-

равшийся *выглядеть* спокойным. Он *был* совершенно спокоен и собран.

– Джим, это специальный агент Маркус Риверс из команды ФБР по расследованию преступлений, связанных с искусством, – представила своего спутника мисс Миллер.

– Рад познакомиться, – отец пожал ему руку.

– А это Джим Бэйтс, – продолжила Сирена. – Он консультирует нас, так что я попросила его о помощи, и... – Как и Эрл, увидев меня, она запнулась: – И он зачем-то привел с собой сына.

Риверс взглянул на меня – скорее с любопытством, чем недовольно, – и повернулся к моему отцу:

– Я бы сказал, наша ситуация – не совсем из серии «Приведем детишек, покажем им нашу работу». Я не прав?

– Прошу прощения, – ответил отец, – но Флориан, похоже, видел нечто... *интересное*. И, мне кажется, вы должны об этом услышать.

– Интересное? В каком роде?

– Расскажи им, – попросил меня отец. – Настолько точно и конкретно, насколько сможешь.

На меня уставились все. Даже Британец, который уже закончил телефонный разговор. Я робел перед этой компанией, тем более что в ней находился спецagent ФБР. Но, сделав глубокий вдох, приступил к повествованию:

– Примерно четыре недели назад моя подруга Маргарет и я увидели в зале с автопортретом Ван Гога светловолосого

туриста. Он спал на диванчике – примерно четверть часа, пока не подошла его жена с младенцем.

Слушатели казались сбитыми с толку, однако меня это не остановило:

– Затем, две недели спустя, мы заметили художника, который копировал картину Моне «Женщина с зонтиком». Он был темноволосым. Одет как типичный студент, изучающий живопись. Совершеннейший хипстер. Учится в Университете Джорджа Вашингтона и живет в общежитии Филиппа Амстердама. Я делаю на этом акцент, потому что в это общежитие не принимают женатых и студентов с детьми. Такие должны жить где-то в других корпусах – я проверил в интернете.

Тут Британец нетерпеливо перебил меня:

– К чему это все? Исчезли предметы искусства на общую сумму в шестьдесят пять миллионов долларов. А мы слушаем детский лепет о каких-то пустяках. У меня только что был крайне неприятный разговор с начальством в Англии, и я заверял, что мы действуем оперативно.

Игнорируя его, я сосредоточился на агенте.

– Спящий отец семейства и художник в галерее – один и тот же человек, – сказал я. – Полностью изменивший внешность.

– Мы что, продолжим слушать это? Серьезно? – спросил Брит. – Каждая упущенная секунда – шанс убратся еще дальше для похитителей!

– Почему ты думаешь, что это один человек? – спросил агент.

– Оба носили кеды «Европа» – это такая марка беговой обуви, которую можно найти только в Восточной Европе. Оба – левши. И на щеках у них совершенно одинаковые шрамы. Я не думаю, что это один человек, – я в этом уверен.

Риверс, очевидно, пока не знал, как к этому отнестись.

– А, и вот еще что, – сказал я. – Два зала, в которых мы его видели и где он провел немало времени, – те самые, из которых только что украли картины.

И тогда агент улыбнулся:

– Что ж. Это действительно похоже на нечто интересное.

Глава седьмая. Картинка без звука

Моя история о человеке в кедах «Европа» заинтриговала агента Риверса. Но в смысле зацепок и возможных следов она имела далеко не первостепенное значение. Прошло уже две недели с того момента, как мы с Маргарет видели того типа. А преступление в музее произошло только что. Нужно было собирать свежие улики и смотреть записи с камер наблюдения.

Риверс позволил мне остаться, поскольку каждый копиист должен был получить разрешение на работу в музее. Улучив минутку, агент собирался раздобыть документы к этим разрешениям, чтобы я мог посмотреть на фото на анкетах и попытаться узнать того типа. Предполагалось, что до тех пор я буду сидеть у стеночки и ждать.

Молча.

О последнем мне напомнили не единожды. Но я не расстроился. Шло расследование настоящего дела, и мне предложили место в первом ряду, а в роли одного из хороших парней был мой отец. Запредельная круть! И я внимательно слушал, как взрослые воссоздают картину событий.

– Итак, с самого начала... – сказал Риверс. – Как кому-то удалось снять со стен три картины, не врубив сигнализацию?

– Мы обновляли софт системы безопасности, – объяснила мисс Миллер. – За это отвечал Эрл.

– Точно, – подтвердил Эрл. – Обновления проходят каждые несколько месяцев, но это была первая капитальная модернизация за много лет. Всю систему пришлось отключить для перезагрузки. Что значит – ни камер, ни датчиков движения, ни сигналов тревоги. На время обновления система, считайте, полностью ослепла.

– Вы должны были принять какие-то контрмеры, – заметил Британец.

– Мы так и сделали, – отозвалась мисс Миллер. – Совместили графики дежурств, чтобы на время обновления расставить по периметру дополнительных охранников.

– И они ничего не видели? – спросил мой отец.

– Ничего необычного.

– Прошу прощения, – вклинился агент, глядя на Британца. – Напомните, кто вы?

– Оливер Хоббс. Я из страховой компании.

– Во время перезагрузки вы находились здесь?

– Нет, меня вызвали после того, как обнаружили пропажу картин.

– И когда это произошло?

– Система отключилась в четверть второго, а в час тридцать две минуты все заработало вновь, – ответила мисс Миллер. – Смотритель включил тревогу в час пятьдесят две.

Риверс записал время в своем планшете.

Слова о смотрителе напомнили мне недавнюю сцену в ротонде, когда мы только пришли в музей. И теперь, просмотр-

рев мониторы, я увидел, что полиция до сих пор опрашивает уборщиков. Пятеро ждали у фонтана, а еще двое разговаривали с детективами поодаль. Все уборщики были в одинаковых синих комбинезонах. Свои тележки они выстроили в два ряда по четыре штуки у дальней стены. Я пожалел, что мониторы не транслируют звук, и я не могу подслушать, что там происходит.

На другой паре экранов я увидел группу криминалистов, ищущих улики в ограбленных залах. Они работали на удивление методично. Затем что-то меня насторожило, и я вернулся к картинке из ротонды.

Тележки стояли двумя рядами, по четыре штуки в каждом. Итого восемь. А уборщиков на картинке было только семь. Одного не хватало. Я проверил на других мониторах, ища кого-нибудь в синем комбинезоне.

Никого похожего.

– Пап! – выпалил я. – Папа!

Разговор за столом резко умолк: все уставились на меня.

– Флориан, от тебя требуется сидеть тихо, – нетерпеливо сказал отец. – Мы специально заостряли на этом внимание.

– Один из уборщиков исчез, – сказал я, указывая на монитор.

– О чем ты? – спросил агент Риверс.

– Здесь восемь тележек, но только семеро уборщиков, – объяснил я. – Откуда взялась лишняя тележка?

Агент вперил взгляд в экран и, тыча в него пальцем, пере-

считал каждого. Семь. Риверс ничего не сказал. Просто выбежал из помещения, а Сирена и Эрл рванули следом.

Таким образом, я остался в компании отца и Хоббса, страховщика. Папа подошел и сел со мной рядом.

– Прости, – сказал я. – Знаю, мне не разрешалось говорить, но...

– Ничего, – успокоил он. – Здорово, что ты это заметил... хотя, наверное, для них – не очень здорово.

На экране мы видели Риверса, который горячо говорил что-то агентам, отведя их в сторону. Я снова пожалел, что у мониторов нет звука.

– Я задолжал тебе крупное извинение, – сказал Хоббс, подходя и протягивая мне руку. – Я был расстроен и взвинчен и сорвался на тебе. Надеюсь, ты меня простишь.

– Конечно, – ответил я. – Когда двенадцатилетний ребенок лезет на *твое* место преступления – это кого угодно взбесит. Я бы сам наверняка реагировал так же.

– Оливер Хоббс, – представился он, пожимая мне руку.

– Флориан Бэйтс, – отозвался я. – Вы говорили, что работаете на страховую компанию, правильно?

– Да, – ответил он. – Музей вызвал меня сразу после того, как позвонил твоему отцу.

– Наши с Оливером пути часто пересекаются, – добавил папа.

– Да, твой отец – один из лучших в своем деле, – сказал Британец. – Мне стало спокойнее, когда я узнал, что он будет

участвовать в расследовании.

Мы не успели продолжить разговор: вернулся агент Риверс с остальными.

– Как тебя зовут? – обратился он ко мне, стуча по клавишам главной консоли.

– Флориан Бэйтс.

– Сколько тебе?

– Двенадцать.

– Что ж, двенадцатилетний Флориан Бэйтс, ты официально признан более сообразительным, нежели детективы из Центрального департамента полиции. Они понятия не имеют, куда подевался уборщик. – Он повернулся к мисс Миллер: – Вы можете вывести с камер безопасности записи начиная за полчаса до ограбления?

– Конечно.

Она кивнула Эрлу, тот уселся и начал печатать. Через секунду на мониторах появились кадры, сделанные этой ночью. Внизу каждого экрана отобразилось время – двенадцать сорок пять.

– Что вы ищете? – спросил папа.

– Уборщика, который выглядит виноватым, – откликнулся агент.

Даже в ускоренном воспроизведении записи оказались невероятно скучными.

Мы просмотрели примерно до половины, когда Хоббс покачал головой и пожаловался:

– Они все одинаковой комплекции. В одинаковой униформе. И все смотрят на пол, а не вверх, на камеры.

– Я не говорил, что будет легко, – заметил Риверс. – На что похожи ботинки, о которых ты рассказывал?

Через пару секунд до меня дошло, что он обращается ко мне.

– Что-что? – переспросил я.

– Ты сказал, что этот парень носил какую-то особую обувь, – растолковал агент. – Если тот парень – наш парень, на нем и сегодня могли быть те же ботинки. И мы сумеем их увидеть.

Об этом я даже не подумал.

– Блестяще, – сказал Оливер. – Все смотрим на обувь.

Я впервые поднялся с дивана и встал рядом с остальными, изучая каждую пару обуви на экране. Сперва это увлекало. Затем начало нервировать. И наконец я почувствовал смущение. Мы крутили видео туда-сюда больше полутора часов и не обнаружили никакого следа мужчины в кедах «Европа». А ведь я был так уверен, что мы его отыщем. Так уверен, что стану героем. Но моя зацепка оказалась бараклом.

– Похоже, я ошибся, – тихо сказал я.

– Не парься, – сказал агент, по-дружески кладя руку мне на плечо. – Я все равно хочу, чтобы ты просмотрел анкеты: вдруг узнаешь его. Никогда не известно, что сработает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.